

За ужином собрались только Юй Синьянь и трое братьев. Су Цзитун был на деловом обеде и обещал вернуться не раньше девяти-десяти вечера. После трапезы У Ма начала убирать со стола, а Юй Синьянь осталась сидеть на месте.

— У Ма, вы ведь на следующей неделе уезжаете домой, верно? — спросила она.

Посуда с мелодичным звоном складывалась в стопку. У Ма отозвалась:

— Да, через четыре дня. Младший господин такой заботливый, даже обещал сам готовить, пока меня не будет. Но если получится вернуться пораньше, я обязательно приеду.

Внутри Юй Синьянь тут же забила тревогу:

— Лучше уж всё-таки пораньше.

У Ма лишь промолчала.

Закончив с посудой, У Ма подошла к дверям, выглянула во двор и нахмурилась:

— Ещё днем погода была отличная, а сейчас небо будто налилось чернотой. И ветер поднялся — чует сердце, быть ливню.

Юй Синьянь поднялась:

— Похоже на то. Пойду позвоню Су Цзитуну, скажу ему, чтобы возвращался поскорее.

Су Хуэйи к этому моменту уже был у себя в комнате. Он переписывался в WeChat с Сунь Хэюем и Чжоу Цинчэном, договариваясь о том, чтобы в следующем месяце проинспектировать точки продаж в разных регионах. Су Хуэйи хотел честно трудиться и зарабатывать деньги, а Сунь Хэюю и Чжоу Цинчэну просто было скучно, и казалось, что в компании Су Хуэйи скучать не придется.

Разговор затянулся на целый час. Когда они попрощались, в комнате снова воцарилась тишина, и Су Хуэйи услышал снаружи какой-то шорох. Он спрыгнул с кровати и отдернул штору на балконе. Снаружи царил кромешный мрак. Деревья в саду гнулись под порывами ветра, сбрасывая листву, а сквозь щель в балконной двери доносился жалобный вой.

Это был предвестник сильного шторма. В такую ночь на стыке лета и осени просто обязан пролиться ливень, который смоет всю знойную духоту, скопившуюся за лето.

Су Цзитун обещал приехать к девяти-десяти часам, но уже около восьми во дворе послышался автомобильный гудок. Балкон Су Хуэйи выходил на сторону ворот, и, выглянув вниз, он увидел две яркие полосы фар, разрезающие темноту. Ветер усилился.

Стоило водителю остановить машину и Су Цзитуну приоткрыть дверь, как на землю обрушились тяжелые капли дождя, мгновенно превратившись в сплошной поток. От ворот до дома был еще длинный путь. Су Хуэйи поспешил вниз, схватил зонт из подставки и, толкнув тяжелую дверь, шагнул под ненастье.

Летний шторм налетел стремительно: пока он спускался, земля уже превратилась в месиво, а газон размок до состояния грязных луж. Су Хуэйи в домашних тапочках, путаясь в собственных ногах, добежал до ворот. Су Цзитун, заметив его из окна машины, радостно воскликнул:

— Сяо И!

— Папа, дождь стеной, я пришел тебя встретить! — его голос перекрывал вой ветра.

Дверь машины открылась, Су Хуэйи раскрыл зонт над выходом, промокший до нитки за считанные секунды. Су Цзитун вышел из салона, обнял младшего сына за плечи и завел под навес, с легким укором, смешанным с нежностью, заметив:

— Весь вымок, несмышлениш.

Отец и сын, борясь с яростными порывами ветра, поспешили к главному входу. Су Хуэйи казалось, что его вот-вот унесет стихией. Брюки прилипли к ногам, обувь захлебывалась в дождевой воде и грязи. Когда до дверей оставалось всего пять-шесть метров, они внезапно распахнулись, и яркий свет разрезал тьму, освещая каменную дорожку.

Су Хуэйи поднял взгляд и увидел стоящего на пороге Су Чи. Как всегда, высокого, невозмутимого, статного. В глубине глаз Су Чи, скрытых пеленой дождя, читались сложные, нечитаемые эмоции.

Стоило войти в дом, как два мира словно разделились. Су Цзитун и Су Хуэйи стояли в прихожей, и вода с них ручьями стекала на пол. Су Цзитун закрыл зонт, а Су Хуэйи, подобно щенку, отряхнул голову, и капли неожиданно полетели прямо в лицо Су Чи.

Су Чи промолчал. Вопреки обыкновению, он не стал язвить, а просто снял свой пиджак и накинул его на голову Су Хуэйи:

— Протрись пока хоть чем-то.

Су Цзитун одобрительно кивнул:

— А старший-то умеет заботиться. Сяо И, бегом в душ, принимай горячую ванну, только не вздумай заболеть.

— Хорошо, пап.

Су Хуэйи сжимал пиджак Су Чи, в котором еще сохранились тепло его тела и легкий, едва уловимый аромат. Ткань оказалась такой мягкой, что он не удержался и потерся о нее лицом, а подняв глаза, встретился со взглядом Су Чи.

— ...

Су Хуэйи сделал вид, что все в порядке:

— У ткани такая приятная текстура.

Су Чи не стал подыгрывать, а Су Цзитун, заглянув на бирку, заметил:

— Еще бы, тридцать тысяч всё-таки.

Су Хуэйи едва не лишился дара речи — тридцать! Тысяч! Он вытирал голову вещью за тридцать тысяч! Спасите меня!

Они вместе поднялись на второй этаж. Су Хуэйи поделился впечатлениями:

— Пап, мне кажется, у нас слишком большой двор. Сто лет идти до входа.

Су Цзитун грустно вздохнул:

— Я сам не думал, что мы окажемся в таком нелепом положении.

— Может, уменьшим двор?

— Нет, лучше увеличим дом.

Су Хуэйи промолчал, понимая, что бедность действительно ограничивает его воображение.

Спальня Су Цзитуна была этажом выше. Когда он ушел, Су Хуэйи и Су Чи свернули в коридор второго этажа.

— Старший брат, почему ты ждал нас у дверей? — спросил Су Хуэйи.

— По той же причине, что и ты.

Су Хуэйи только сейчас вспомнил, что их балконы выходят на одну сторону. Он гордо выпятил грудь:

— Значит, ты бегаешь медленнее меня!

Взгляд Су Чи на секунду задержался на его лице, прежде чем он отвел глаза. Да, он действительно бегал очень быстро. С такой скоростью, что поневоле веришь: это не было обдуманным решением, только чистый инстинкт.

На следующее утро, чистя зубы, Су Хуэйи посмотрел в зеркало и вдруг чихнул: «Апчхи!», обдав всё стекло зубной пастой. Он на секунду замер... Вот блин, неужели у него пошла пена изо рта? А потом сообразил — точно, это же просто зубная паста.

Спустившись к завтраку, Су Хуэйи чувствовал себя совсем разбитым: голова тяжелая, веки слипались, даже его фирменный «торчащий волосок» на макушке поник. Су Цзитун с тревогой пытался пригладить его, но волосок через три секунды снова падал. Су Цзитун встревожился еще больше — казалось, этот волосок был сущностью самого Су Хуэйи.

— Сяо И, ты не простудился?

Су Хуэйи не было аппетита. Он лишь обхватил стакан с горячим молоком и делал маленькие глотки, испачкав губы в белой пене, и тихонько скулил. Юй Синьянь приложила руку к его лбу:

— Жара нет. Поешь и измерь температуру.

Су Хуэйи часто заморгал, соглашаясь. Су Чи, сидевший напротив, хранил молчание, а Су Цзяньчэнь, не понимая, в чем дело, спросил:

— Что случилось?

— Вчера, когда я возвращался, ливанул дождь, — ответил Су Цзитун. — Сяо И выбегал меня встречать и промок.

Су Цзяньчэнь пристально посмотрел на Су Хуэйи. После завтрака, когда Су Хуэйи развалился на диване, измеряя температуру, Су Цзяньчэнь подошел, остановился перед ним, долго мялся и наконец выдавил:

— Спасибо.

Су Хуэйи, свернувшийся на диване, застенчиво поджал пальцы ног, кончики которых покраснели.

— За что спасибо? Это ведь и мой папа тоже, — пробурчал он.

Су Цзяньчэнь сглотнул, развернулся и ушел, бросив на ходу:

— Не забудь надеть носки.

Когда отец и братья ушли по делам, градусник показал тридцать семь и четыре — не так уж много. Су Хуэйи выпил порошок от простуды, а Юй Синьянь уложила его обратно в постель.

— Ну что за ребенок, подумаешь, отец попал под дождь. Ты ведь цветок нации, а сам за собой следить не умеешь.

Юй Синьянь продолжала ворчать, а Су Хуэйи был так сонный, что веки слипались:

— Мам, цветок нации хочет спать.

Юй Синьянь промолчала.

Су Хуэйи пролежал в кровати почти весь день, чувствуя, как голова становится тяжелее с каждым часом. По пути в туалет он даже споткнулся и чуть не влетел головой в унитаз. С трудом поднявшись, он обнаружил на коленях и локтях синяки. За окном дождь поутих, барабана дробью по балкону, а в носу стоял жар.

Сегодня была пятница — лучший день недели, чтобы уйти пораньше. Су Чи вернулся с имбирным отваром около пяти вечера. Юй Синьянь, увидев в его руках термокружку, спросила:

— Это что?

Су Чи передал сверток подошедшей У Ма:

— Имбирный отвар из Квексифана, говорят, хорошо помогает. По пути заехал.

У Ма взяла кружку и пошла на кухню наливать отвар:

— Какой внимательный старший господин.

Юй Синьянь улыбнулась. Глядя на своего статного старшего сына, она подумала: а ведь он совсем не признается. Они живут на юге города, разве можно заехать в Квексифан на западе «по пути»?

Как только отвар был налит, Су Хуэйи словно по навигатору спустился сверху:

— Я тут... спустился попить воды... О, старший брат вернулся?